

Разговор с Коброй

Яшви Садхир

Яшви не очень верила в то, что Оджас Шах действительно может, а, главное, согласится им помочь и возьмёт на себя переговоры в деревне с теми, кто был так или иначе замешан в торговле девочками. То ли дело было в общем недоверии этой кобре, то ли накладывались воспоминания об их знакомстве в саду, после которого Яшви чувствовала себя странно, но глубоко внутри она ужасно не хотела с ним о чем-то разговаривать. К тому же она не хотела, чтобы во дворце все подряд знали о том, что к подобным рынкам она имеет самое что ни на есть прямое отношение как та, кого однажды на этом рынке купили. Несмотря на то, что в резиденции больше не было выводка гадин Его Величества, среди женщин оставались те, кто когда-то был в гареме, но затем вышли замуж за приближенных или командиров, чтобы не лишаться теплого места.

Оджас Шах казался ей человеком, который ни за что свою выгоду не упустит - будь то ответная услуга, вкусная сплетня или что-то ещё. Он был хорош собой настолько, что это даже скорее отталкивало, чем привлекало, и наверняка у него не было недостатка во внимании противоположного пола. И наверняка он был удивительно самодостаточен и доволен собой. Словом, все в нем Яшви не нравилось, но ей нужно было постараться совладать с собой и своими эмоциями, чтобы присутствовать при этом разговоре.

Ветер Перемен

Переговоры, занявшие все утро, были для командира Кобр крайне неприятными. После такого разговора хочется брезгливо помыться и надеяться, что никто, чьим уважением дорожишь, не видел тебя в компании подобного собеседника. Оджас держал лицо, добился клятвенных заверений, что договоренности будут строго соблюдаться, даже обещал обдумать размер комиссии, которая заинтересовала бы клан, но он понимал, какие цели в этих переговорах преследовала королевская семья. И если бы не решение Его Величества, от этого разговора Шах постарался бы отказаться.

Он зашел в чайную, где еще не было принца, но уже находилась его супруга. Оджас смутно помнил тот день, когда впервые познакомился с этой девушкой. С тех пор она очень сильно изменилась: она стала похожа не на скромную простолюдинку, случайно зашедшую в беседку в дворцовом саду, а на воительницу союзного клана. Впрочем, при этом как женщина она стала выглядеть даже интереснее. Но Оджас не стал бы пытаться переходить дорогу принцу Сонгцэну, в клане было достаточно женщин, которым можно было безнаказанно уделять внимание. Оджас зашел в комнату, где была Яшви Садхир, и вежливо ей поклонился, сложив руки в молитвенном жесте.

- Доброго дня, Ваше Высочество, - сказал он. - Принц Сонгцэн еще не пришел?

Яшви Садхир

Яшви оказалась в чайной раньше всех, и Сы-джи проводил ее в отдельную комнату,

куда чуть позже принесли горячий чай с закусками, на которые она пока не обращала внимания. Она надеялась, что ей не придется оставаться с коброй наедине, чтобы не пришлось мучительно выдумывать тему для вежливого разговора ни о чем. Но она даже не успела присесть на подушки у низкого чайного столика, когда раздавшиеся за занавеской шаги дали понять, что это вовсе не Сонгцэн - эти принадлежали человеку по комплекции тяжелее и выше принца.

- Шах-джи, - Яшви поприветствовала его не менее вежливо, но привычные слова "Яшви. Меня зовут Яшви", которыми она поправляла обращение к себе, так и остались произнесенными. В этой ситуации она предпочла остаться Её Высочеством, а не просто Яшви, хоть на ней был простой дорожный костюм для верховой езды, а в ножнах на бедре оставался кукри, который она взяла с собой для безопасности. - Нет, он задерживается.

Сонгцэн должен был беседовать со старостой деревни по поводу лазарета в Риване и, по всей видимости, разговор затягивался. Яшви понятия не имела, как должны вести себя принцессы в присутствии боевых командиров, да еще и когда они остаются наедине, но, преодолев себя, предложила Оджасу присесть по другую сторону чайного столика и взялась за заварочный чайник, чтобы наполнить чайные чашки.

Ветер Перемен

Оджас сел за стол напротив девушки, которая выглядела не слишком дружелюбно, сохраняя маску ледяной вежливости, хотя ему казалось, что он не давал ей никаких поводов для обид. Их первое знакомство закончилось появлением принца, а после этого они не общались вне каких-то случайных встреч на официальных мероприятиях. Но у Оджаса и не было цели нравиться принцессе, чтобы не было поводов ссориться с принцем. Он вежливо поблагодарил девушку за чай, но не стал класть в свою тарелку еду, пока она первая не приступила к трапезе. Он был боевым командиром, а она принадлежала к королевской семье.

- Надеюсь, Садхир-джи скоро к нам присоединится, - произнес Оджас с вежливой улыбкой.

В королевском гареме, пока его не разогнали, бытовала легенда, что бокши из Ривана своей магией сводила в могилу всех, кто вставал между ней и принцем Сонгцэном. Оджас в это не верил: чутье давно подсказало ему, что их высочество неровно дышал к Яшви уже давно, даже если сам долго не был готов это признать. Одного взгляда на Сонгцэна, когда он появился в беседке, было достаточно, чтобы раз и навсегда закрыть для себя вопрос с попытками поближе познакомиться с этой девушкой. И свадьба между Яшви и принцем была лишь вопросом времени, когда это позволили обстоятельства.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Староста деревни был человеком непрошибаемым. Он старался ни во что не лезть, ничего не делать и никого не пускать в дела Ривана. Логичные доводы не доходили до его разума. Попытки воззвать его к состраданию или жалости в отношении жителей деревни были также бесполезны. Через битый час попыток достучаться до этого Раджа, Сонгцэн был в бешенстве. И лишь когда он повысил голос, позволив

пламени в очаге вспыхнуть яркими искрами, и жестко сказал, что если Риван надеется на Королевских Кобр, их мнение должно учитываться беспрекословно, Радж изменился в лице и признал, что лазарет в деревне необходим. Нашлась и подходящая хижина, и даже какая-то мебель, которую до вечера туда должны были принести.

В чайную Сонгцэн вернулся не в духе. Под навесом возле Аббаса и Ворона отдыхал серый жеребец Оджаса, и это означало, что владелец коня уже в чайной. Сонгцэн поздоровался с хозяином и прошел в дальнюю комнату. Он поздоровался с Яшви и кивнул Оджасу, после чего сел за стол рядом с девушкой.

- Шах-джи, как прошли переговоры? - спросил Сонгцэн.

Он по привычке положил в свою тарелку лепешку и рис с ячьим мясом, чтобы остальные могли приступить к еде, если не решались до этого.

Яшви Садхир

Чай невозможно было наливать до бесконечности, о чем Яшви сейчас жалела - и ей пришлось все-таки поставить заварочный чайник обратно на столик, когда обе чашки оказались наполнены. Она чувствовала себя неуютно, как будто каждый ее жест оценивали и тщательно взвешивали на невидимых глазу весах, но Яшви не догадалась первой приступить к трапезе, чтобы Оджас Шах по непальской традиции мог последовать ее примеру. Она просто взяла чайную чашку в руки и с непроницаемым видом поднесла ее к губам, чтобы спрятаться за ней как за настоящим щитом.

- У него встреча со старостой деревни, - коротко ответила Яшви, гадая, сколько времени может вообще занять этот разговор. Она мало с кем из местных общалась даже когда жила в Риване. Ее общества справедливо чурались, да и сама Яшви никогда не искала чужой компании, потому что боялась снова брошенного в спину камня. Поэтому и не могла в полной мере представить себе, что за человек староста Радж. Что-то подсказывало, что не очень, раз Риван до сих пор с трудом выживал, едва существуя на фоне других более благополучных деревень.

И она была рада, наконец, увидеть Сонгцэна, хотя он был хмурым и задумчивым, возможно, разговор прошел не так, как планировал принц, а его бесило все, что шло в той или иной мере не так, как он себе представлял.

Ветер Перемен

Оджас встал со своего места, чтобы приветствовать принца, затем сел обратно. Сонгцэн был не в духе, его часть переговоров явно была непростой. Шаху когда-то доводилось общаться со старостой Раджем, и более ущербное существо было сложно найти даже в этом несовершенном круге медитаций Будды.

- В Риване за торговлю людьми сейчас отвечает Рамеш Гурунг, - сказал Оджас. - Он заверил меня, что согласен на наши условия, и что быть такого не может, чтобы на рынке оказывались дети.

По его интонации было очевидно, что он не верил ни единому слову торговца и

старался держать лицо, чтобы не сильно было заметно отвращение от упоминания этого типа.

- Я думаю, что какое-то время он будет делать вид, что соблюдает договоренности, но это не тот человек, с кем можно договариваться всерьез, - продолжил Оджас и положил себе в тарелку понемногу из разных мисок с еще горячей едой. - Садхир-джи, я уверен, что сейчас на рынке есть девочки, и их постараются быстрее сбыть. Я бы заехал сюда вечером с отрядом, чтобы в этом убедиться, и заодно объяснить, что будет, если он не будет держать данное нам слово.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн выслушал то, что рассказал Оджас. Все это было неприятно, но ожидаемо. Торговцы будут врать и изворачиваться, но сделают все, чтобы не терять доход от торговли, приносившей огромную прибыль, ценой чужих жизней. Он мельком взглянул на Яшви. Сонгцэн не знал, слышал ли Оджас Шах о том, что она в свое время сама была одной из тех, кого продавали на этом рынке. В серпентарии сплетни множились и обрастали странными подробностями, но не все реальные факты доходили до Кобр.

- Те, кого вы отобьете у торговцев, должны сегодня же ночью приехать с вами в клан, - сказал Сонгцэн. - Их нельзя оставлять в деревне, иначе в лучшем случае утром они снова окажутся на рынке.

Он пока не знал, сколько будет пленниц, и поэтому не мог решить, что делать с ними дальше. Одну Шанти можно было отправить в ученицы к Шерпе-джи, а несколько девочек уже требовали какого-то места, где их разместить, и кого-то, кто будет с ними нянчиться.

- Вам будет достаточно ваших людей? - уточнил Сонгцэн.

У него на вечер были свои планы. Сначала тренировка, а вечером они с Яшви собирались в купальню принцессы Камал. Но он мог изменить эти планы, если ценой была свобода тех, кого собирались продать на рынке.

Яшви Садхир

Утром она была на рынке в самый разгар торгов, но старалась не привлекать к себе много внимания и наблюдала за неприятным проулком издали, но ей хватило даже этого короткого времени понять, что продают, в основном, девушек лет четырнадцати- семнадцати. Девочки помладше не представляли интереса как работницы борделей, старше - теряли тот самый "товарный" юный вид, за который готовы были доплачивать искушенные покупатели. При этом совершеннолетие в Непале, как и во многих других более развитых странах, наступало только с восемнадцати, но это мало кого волновало в отдаленных деревнях подобно Ривану. Официально практически все девочки на таких рынках были детьми, потому что им не было восемнадцати лет.

Она присматривалась к Оджасу Шаху, которого происходящее, похоже, тоже не устраивало, и поймала себя на мысли, возможно ли такое, что она была настроена к нему негативно и ошибочно только исключительно из-за ее неверных суждений и

сложившегося у нее не лестного первого впечатления?

- На рынке скорее всего будут только девочки. Чем старше девушка, тем меньше вероятность ее выгодно продать, - сказала Яшви. Она тоже не верила продавцу, что детей среди присутствующих на рынке нет. Не далее как вчера они одну такую уже привезли в резиденцию.

Ветер Перемен

- Моих людей хватит, - заверил Оджас принца. - Нет смысла устраивать битву на реке Мань, когда нужно просто припугнуть торговцев.

Он понимал, что неприятности только начинались, но первые стычки не стоило устраивать в полную силу, чтобы дать понять, что дальше будет хуже и опаснее. Этой ночью был шанс спугнуть змею, нанося удары по траве - понять, кто стоял за Гурунгом. Оджас чуть удивленно посмотрел на принцессу, которая была на удивление осведомлена о том, кто лучше продавался на рынке.

Если пленниц будет человек пять-семь, их можно будет увезти верхом. Если больше, придется добираться до клана пешком, что отнимет время. Но Оджас считал, что дополнительные лошади им только помешают, если брать их с собой этой ночью.

- Те, кого мы заберем ночью, до утра останутся в моем доме, но потом нужно будет решить, что с ними делать.

В доме Шахов не было такого количества спален, чтобы разместить там несколько человек. Несколько деревенских девочек могли на ночь разместиться в помещениях гарема, где сейчас жили две наложницы самого Оджаса и еще три - его отца, но это было не лучшее место для того, чтобы надолго оставлять там детей.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Когда Сонгцэн встретил Яшви на рынке, ей было шестнадцать. Он не мог вспомнить, кто находился рядом с ней, но вряд ли другие девушки были сильно старше. Формальный запрет на продажу несовершеннолетних был фактическим запретом на торговлю людьми в Риване. Осиное гнездо уже разворошили, и скоро должны были начаться последствия.

- Завтра мы пойдем, сколько их будет, и Аша Прия поможет их разместить, - сказал Сонгцэн. - Девочки должны оказаться в школе, а не в гаремах.

С шестнадцати лет девушек считали вполне взрослыми, чтобы брать в жены или в качестве наложниц, но Оджас мог их забрать у торговцев, чтобы спасти от участи быть проданными. И Сонгцэн, который был не сильно старше, ничего критичного в этом не видел. Но он считал, что девушки, которые будут в тупике, вырвавшись от торговцев людьми, не должны были оказаться в зависимости от тех, кто хотел этим воспользоваться.

- Староста Ривана разрешил открыть лазарет, завтра мы с Её Высочеством можем приехать сюда, чтобы начать работать, - сказал Сонгцэн. - Но я не уверен, что нам

не будут мешать. Радж очень не хочет, чтобы здесь что-то менялось.

Яшви Садхир

Все снова упиралось в то, что девочек нужно было куда-то размещать. Одну-две еще можно было без особых проблем оставить во дворце, упирая на то, что ей вдруг оказалось мало служанок и нужно было больше, но пять-шесть или больше - а их скорее всего со временем станет больше - уже начнут вызывать вопросы и привлекать внимание Его Величества. Да и в целом их нужно было на что-то содержать, чему-то учить, а для этого нужны были помещения, люди и деньги. Яшви не чувствовала в себе решимости чему-то самостоятельно учить девочек - она сама еще не так давно начала учиться, и многое было ей непонятно. Лучше было найти кого-то, кто был бы более опытным наставником для них.

- Ни одна из них не должна быть купленной или стать наложницей, - добавила Яшви. Проще всего было девушку на рынке выкупить, а потом сказать - иди куда хочешь, делай что хочешь, вот тебе твоя свобода. Мог быть соблазн оставить какую-нибудь хорошенькую девушку подле себя, потому что она понравилась. Яшви не исключала, что такие случаи тоже могли бы быть в клане в будущем. Но ее принципиальная позиция была в том, что девочки не должны были чувствовать себя товаром, принадлежащим кому-то другому. И как бы ни пытались ее убедить, что наложницей быть вау как неплохо, ее мнение оставалось неизменным.

Ветер Перемен

При всей любви Оджаса к женщинам, он считал, что в резиденции Кобр было более чем достаточно тех красавиц, кто был заинтересован в поиске покровителей, и деревенских девочек не стоило рассматривать как потенциальных наложниц. Им же безопаснее, если бывшие фаворитки их Величества и нынешние подруги воинов клана не будут видеть в новеньких конкуренток.

- Воины клана должны соблюдать строгий целибат до того, как получают право носить оружие, - произнес Оджас. - Я думаю, будет правильным, если и для девочек клана будут похожие правила. Например, чтобы они сдали школьные экзамены.

От женщин никто не ожидал, что они станут мастерски владеть стихийной магией, или что они будут сильными воинами. Но учеба займет достаточно времени, чтобы юные особы успели повзрослеть.

Сам Оджас, несмотря на его заслуженную репутацию бабника, в свое время строго соблюдал традиции клана. Просто у него был повод спешить со сдачей экзамена, после которой уже ни в чем себя искусственно не ограничивал. А экзамен он сдал без каких-либо нареканий.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Предложение Оджаса было удивительно разумным, что особенно удивило Сонгцэна, знавшего много историй о похождениях боевого командира. И вряд ли младший из Шахов спрашивал паспорт у всех своих подруг.

- В любом случае останется вопрос о том, где будут жить те, кто приедут с вами этой

ночью, - ответил Сонгцэн. - Но сейчас главное, чтобы они оказались в клане. У клана достаточно денег и людей, чтобы их обеспечить и обучить.

Не обязательно селить всех во дворцах, достаточно домов, где они будут под присмотром старших женщин. Тех, кто готов их обучать грамоте и наукам, а не тому, как найти себе выгодную партию. Последних в клане было более чем достаточно.

- Завтра я поеду в Риван со своим отрядом. Пока мы с Яшви будем в лазарете, они присмотрят за порядком на рынке и в деревне, - решил Сонгцэн.

Он ненадолго отвлекся на еду, которая здесь была довольно сносной, хоть и сильно уступала той, что готовили во дворце. В Риване могло быть хоть что-то если не хорошее, то хотя бы нормальное.

Яшви Садхир

Шах-джи высказал разумное предположение, но если бы дело было только в учениках клана, Яшви не сильно бы беспокоилась. Среди Кобр было много тех, кто уже давно имел право носить оружие и считался полноценным воином, и при этом по-прежнему придерживался прежнего порядка вещей и предпочитал держать наложниц - один из таких представителей сидел прямо перед ней, рассуждая о том, что девочкам хорошо бы сначала выучиться, а не искать покровителя.

- Это справедливо, - благосклонно признала Яшви и налила в чашки еще чая. Воинов клана, уже сдавших экзамен и имеющих право заводить себе наложниц, стоило обсуждать не с Оджасом Шахом, а с Сонгцэном, поэтому Яшви проявила совершенно несвойственную ей мудрость, не став вступать в открытое противостояние, хотя все в ней так и норовило закусить удила и чуть ли не перегрызть Кобре горло. Ей не нужно было показывать свои эмоции при Оджасе Великолепном.

Она была не такого уж высокого мнения о кобрах - срабатывало предубеждение, выращенное в ней гаремом гадин Его Величества, которые не упускали возможности ей как-то насолить или испортить жизнь из мелочности и зависти. И в благие намерения она не торопилась верить, особенно когда на словах на первый взгляд все выглядело гладко и сладко.

Ветер Перемен

Оджас задержал взгляд на Её высочестве на пару мгновений. Он чувствовал, что ей не нравится, но не понимал причину неприязни. При этом она была идеально вежлива и не давала поводов даже задать вопрос. Он считал, что умел находить с женщинами общий язык, даже если у него на них не было никаких планов, но Яшви Садхир была для него загадкой. Он не сомневался, что её холодность и сдержанность не распространялись на Сонгцэна. Ночь, когда он в зверином облике бегал по дворцу, стала легендой, Оджас слышал минимум пять разных точно достоверных версий, все из которых сводились к тому, что еще до свадьбы их высочества не отказывали себе в удовольствии ночевать вместе.

- Мой отряд может сменить ваш, - предложил Оджас. - Я договорюсь с Раи-джи, чтобы перераспределить дежурства в карауле, чтобы в Риване бывали одни и те же

люди.

Махавир Раи был начальником дворцовой стражи и близким другом отца Оджаса, поэтому договориться с ним было несложно. Шах-младший считал, что дела в Риване были крайне деликатными, и чем меньше воинов клана будут в курсе подробностей, тем больше шансов быстрее разобраться с работоторговцами, натворив меньше глупостей.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн заметил взгляд Оджаса, обращенный к Яшви, и ненадолго недобро прищурился. Две секунды - никаких поводов, чтобы это прокомментировать. Легенды о личной жизни Шаха-младшего были традиционным фольклором в резиденции Королевских Кобр. Будучи честным с собой, Сонгцэн был вынужден признать, что, сравнивая себя с Оджасом, постоянно замечал, что это сравнение было не в его пользу. И дело было даже не в том, кого из них могли считать более привлекательным внешне (а Оджас был выше, шире в плечах и отличался заметной породистой внешностью, характерной для многих Кобр, принадлежавших к древним семьям). Сонгцэна больше задевало, что Оджас раньше сдал экзамен, большего добился на службе клану, и многие воины его искренне уважали. Он забывал, что Шах-младший был на несколько лет старше, и разница в достижениях была объяснимой. Сонгцэну просто все время казалось, что Оджас смотрит на него с неким снисхождением, чувствуя, что разница в статусе между ними была формальной, а фактический расклад был иным. И сейчас очень хотелось ответить, что такие вопросы должен решать принц с вождем клана, а не Оджас с начальником стражи. Но эта выходка была бы глупостью, мешающей делу. А признать правоту Шаха-младшего можно было только ценой почти физического дискомфорта. Сонгцэн сделал глоток чая, чтобы взять паузу и подумать над своей реакцией.

- Спасибо, шах-джи. Наших отрядов хватит, чтобы патрулировать Риван, и не думаю, что нам понадобится помощь других боевых командиров, - произнес Сонгцэн. - Я договорюсь с Его Величеством, что рассчитываю на вашу помощь в Риване.

Это бы означало, что Оджас Шах с его отрядом перейдут под командование Сонгцэна, лично отвечавшего за решение вопроса с работоторговлей в деревне.

Яшви Садхир

Яшви предпочла проигнорировать недолгий, но внимательный взгляд Оджаса Шаха, отдав должное чаю, который здесь был...неплохим. Не таким, как во дворце, и не таким, как в Монголии, но для Ривана оказался вполне сносным. Тем более, что сегодня погода стояла не в пример прохладнее, чем вчера, а после посещения рыночных рядов Яшви чувствовала себя неуютно. В компании Шаха-джи ей тоже было неуютно, но она уже не была простой девочкой из бедной деревни, чтобы смущаться его внимания (которое ей отнюдь не льстило), она была принцессой, к которой так или иначе всегда будет повышенный интерес, особенно если при этом принцесса - еще и бокши, разговаривающая с мертвыми. Ей могло не доставать умения правильно себя вести как принцессе, но Яшви старалась держаться как минимум с вежливым достоинством.

Между ним и Сонгцэном чувствовалось какое-то напряжение, которое Яшви не

знала, с чем было связано, поэтому в эти вопросы между ним она не вмешивалась - у нее точно не было никаких сильно полезных боевых навыков, кроме умения стрелять из лука верхом, что вряд ли бы могло пригодиться, и у нее не было никакого своего отряда, она даже не была полноценным воином. Яшви иногда думала о том, чтобы напроситься сдавать экзамен, но не особо понимала, зачем именно ей это нужно. Чтобы ее воспринимали не как красивую личную игрушку принца Сонгцэна, но как воина, как Бо-джи? Пока причина выглядела неубедительной.

- Я могу поговорить с Амалой-джи, - сказала Яшви, вдруг вспомнив о старой повитухе. - Та, которая обычно принимает роды у женщин в деревне. Она может согласиться помочь в лазарете. Если местные узнают, что она нам помогает, охотнее будут обращаться.

Ветер Перемен

Оджас считал, что авантюра с Риваном была сложной. Она была хорошим поводом проверить себя и своих людей, и он искренне хотел избавить деревню от таких как Рамеш Гурунг, потому что пока они были на территории, которую охраняли Кобры, в окрестностях Покхара не могло быть достаточно хорошо. Оджаса могли обвинять в ветрености в отношениях с женщинами. Его могли обвинять в том, что он бывал излишне язвителен с мужчинами (в клане Королевских Кобр, где не плевать ядом было моветоном). Но он не был ни злым, ни черствым. И, любя женщин воодушевленно и искренне, считал мерзостью продавать их на рынках и в публичных домах. Он не представлял, как покупатели могли при этом себя уважать.

- Хорошо, Садхир-джи, - Оджас кивнул на слова принца.

Он не был уверен, что двух отрядов хватит на всю авантюру, потому что проблемы только начинались. Но для патрулей их людей было достаточно, а для войны могло не хватить и всей армии с поддержкой союзников.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн посмотрел на Яшви, когда она предложила поговорить с повитухой. Он хотел надеяться, что эта женщина была более адекватной, чем Радж и другие жители Ривана, с которыми он пытался договариваться.

- Хорошо. Ты сама с ней поговоришь, или лучше мы пойдем вместе? - уточнил Сонгцэн.

На Яшви в Риване уже не нападали. В неё не бросали камнями, но не переставали считать бокши. Сонгцэн не обольщался и на свой счет: он был уверен, что его не считали помощником или спасителем деревни. Он был богатым господином со странными причудами, который мешал спокойной и разменной жизни мирной деревни. Деревни, где дочерей продавали на рынке, как коз. Где не было нормальных врачей. Где была непролазная нищета, с которой никто не пытался бороться.

Денег, которые он заплатил в свое время на рынке, чтобы выкупить Яшви, могло хватить, чтобы её семья неплохо жила, особенно по местным меркам. Но

разваленная лачуга гончара выглядела так, что ни одна рупия не задержалась в этой семье. Или вовсе до них не дошла, оставшись в карманах торговцев. Риван не жил за счет торговли людьми. Жители деревни выживали сами по себе, торговцы вели свою деятельность сами по себе.

Яшви Садхир

Она считала, что Амала-джи сможет их понять в той мере, в какой этого будет достаточно, чтобы старая повитуха (и знахарка по совместительству, о чем предпочитали не вспоминать или говорить шепотом) могла помогать в лазарете. Она была единственной женщиной в округе, за которой посылали, когда в родах что-то шло не так. Ее не называли бокши, хоть и косились подозрительно, но она могла стать хорошим подспорьем, чтобы в лазарет начали приходить сначала женщины с детьми, а потом и мужчины тоже, когда их доверие к деревенскому лазарету станет достаточным. Яшви не знала, сколько времени это займет - месяц или год, но нужно было хотя бы попробовать.

- Я сама поговорю с ней завтра утром, - решила Яшви. - Я возьму оружие, как мы и договаривались, но не думаю, что мне стоит ее опасаться.

Это была всего лишь пожилая женщина, с которой, Яшви надеялась, можно было найти общий язык даже не прибегая к демонстрации лука за спиной или кукри в ножнах на бедре. Амала-джи не с годами не молодела, а детей в деревне рождалось не меньше, чем раньше, несмотря на нищету и непростые условия жизни. Ей же самой будет проще, если в деревне будет еще место, куда можно будет обратиться за помощью.

Как минимум, к Яшви Амала-джи всегда относилась с терпением и каким-то равнодушием, что ли. Словно ей было все равно, есть она или нет, но и плохого ничего никогда не делала.

Ветер Перемен

Оджас доел все, что было в его тарелке, и решил, что этого будет достаточно. Сонгцэн и Яшви Садхир переговаривались о повитухе, и он не вмешивался в этот разговор, потому что не был в курсе отношений деревенских жителей к этой женщине. Но для себя понял, что принцесса очень хорошо знала местных жителей, и он надеялся, что важную информацию она не будет держать при себе.

- Если вы не против, я поеду в клан, - сказал Оджас. - Хочу сразу поговорить с Раиджи, чтобы он не рассчитывал на моих людей в карауле.

Он планировал не только поговорить с начальником стражи, но и отдохнуть перед тем, как возвращаться в деревню ночью. И даже под отдыхом подразумевал не столько встречу с прекрасными наложницами Мирой и Тарой, которые ждали его дома, сколько возможность просто поспать пару часов, потому что ночью он ждал боя, а не прогулки.

Оджас очень хотел уничтожить Рамеша, но вряд ли торговец погибнет этой ночью, потому что пока нужно было просто показать зубы, а не развязывать полноценную войну.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн кивнул на слова Яшви. Он не очень хотел отпускать её одну, но все же считал, что днем она будет в безопасности. Риван был болотом, но его жители не хотели, чтобы Королевские Кобры стали их врагами. Оджас собрался уезжать. Сонгцэн тоже не видел причин задерживаться в Риване, но не хотел ехать в клан в компании Шаха-младшего, предпочитая остаться с Яшви вдвоем. Принц не мог всерьез опасаться того, что его супруга, насмотревшись на гордо восседающего на белом коне Оджаса, подумает, что выбрала себе не того спутника, но все равно присутствие Шаха немного раздражало.

- Езжайте, Шах-джи, - ответил Сонгцэн. - Спасибо.

Он все же видел, что Оджас сам загорелся идеей навести порядок в Риване. Не так просто он предложил помощь с патрулем. Сонгцэну мог не нравиться Шах-младший, но как командиру Кобр он ему полностью доверял, поэтому нужно было разобраться в собственной голове, чтобы было легче вместе работать.

Сонгцэн налил еще чая себе и Яшви и взял с тарелки шарик соленого сыра, провожая взглядом собиравшегося Оджаса. Можно было подождать минут двадцать и неспешно ехать следом, не сомневаясь, что в дороге они не встретятся.

Яшви Садхир

За все время разговора с Шахом Яшви едва притронулась к еде, потому что была не голодна, зато за чайную чашку цеплялась как за спасительную соломинку. Не были ни одной объективной причины относиться к Оджасу с такими недоверием и холодностью, но и не было ни одной причины относиться с какой-то особой теплотой, и тактика прохладного нейтралитета сейчас выглядела самой привлекательной моделью поведения. И наиболее безопасной. Впервые свой приобретенный титул Яшви ощущала не камнем на плечах, вес которого тянул ее к земле, а спасительным блестящим щитом, за которым она могла чувствовать себя в безопасности.

- Шах-джи, - вежливо попрощавшись, Яшви дождалась, пока за Оджасом опустится тяжелая штора, закрывающая вход в их отдельный кабинет, и только после этого взяла лепешку и немного ячьего сыра, чтобы перекусить пород обратной дорогой. Она, как и Сонгцэн, абсолютно не горела желанием ехать с клан в сопровождении Шаха. Он был вежлив, здесь его было не упрекнуть, но казался Яшви скользким и даже высокомерным, словно в каждом его слове и взгляде непременно была какая-то оценка. Настоящая мерзкая кобра.

- Маловероятно, но все же надеюсь, что конь его укусит, - произнесла Яшви спустя целую минуту после того, как закончила со вкусом доедать лепешку и солоноватый сыр, а Оджас Шах был уже слишком далеко, чтобы услышать ее слова.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн заметил, что как только Оджас ушел, Яшви расслабилась и даже принялась есть. Он усмехнулся на ее слова о коне.

- Не думаю, что укусит, - ответил он. - Алмаз такой же безупречно вежливый, как и его хозяин.

Серый жеребец Оджаса, как и сам Шах-младший, жил с твердой убежденностью в собственном великолепии. Он даже мух гонял, стоя в леваде с таким видом, будто находился на параде. Аббас первое время пытался к нему задираться, но потом смирился, а Ворон был выше этих мелочных разборок.

- Тебе не нравится Оджас? - с интересом спросил Сонгцэн у Яшви.

Он был уверен, что командир Шах не позволял себе ничего лишнего в ее адрес, и вряд ли у них были поводы для ссор. Яшви почти не общалась с другими Кобрами, и с воинами клана пересекалась издалека на официальных мероприятиях. Сонгцэна такой расклад вполне устраивал, потому что Яшви не воевала за его клан и не участвовала в тренировках в резиденции Кобр. Она иногда заходила к мастеру Раджу, который всегда был очень рад общению с ней, но Сонгцэн не мог представить ситуацию, чтобы его супруга захотела просто поиграть в го и попить чай с кем-то типа Оджаса Шаха.

Яшви Садхир

Яшви поморщилась, услышав, что конь Оджаса Шаха не сильно приятнее своего хозяина. Если в резиденции еще не ходила сказка об Оджасе Великолепном и его Коне, то местный фольклор очень многое потерял, упустив из своего вида настоящий алмаз неограниченный. Не о тех наложницы Его Величества небылицы слагали.

Она допила свой чай, но не стала наливать еще, потому что впереди была дорога обратно в клан. Хватит на сегодня Ривана, тем более, что у Сонгцэна должна была вечером состояться тренировка, а потом они планировали снова посетить купальни. Яшви надеялась, что на этот раз сможет оценить их по достоинству, раз в прошлый не смогла понять всю их прелесть из-за стойкого ощущения, что не имеет никакого права находиться ни в резиденции, ни тем более рядом с принцем Сонгцэном.

- Я ему не доверяю, - ответила Яшви, когда Сонгцэн спросил про Оджаса Шаха. - Он такой...скользкий. Как будто ненастоящий. И смотрит так, будто оценивает.

Змея, одним словом. Рассуждает о том, чтобы девочкам, отбитым у торговцам, сначала учиться, а потом искать себе покровителей, а сам при этом держит наложниц, как будто действительно задумывался хоть раз о том, сколько им лет. Какая двуличность.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Оджас относился к той породе Королевских Кобр, в которых принадлежность к клану считывалась без сомнений. Из тех, кто никогда не хотел быть хорошим, стремясь к интересам клана и личным целям, но кто при этом совершал меньше зла, чем те, кто воевали за мир во всем мире. Сонгцэн очень хорошо знал оба родных клана и понимал, в чем были непримиримые противоречия, питавшие веками пламя войны между ними. И сейчас, несмотря на два десятка лет стабильного мира, Кобры не

переставали быть Кобрами, а Тигры - Тиграми.

- Я знаю, что он не предаст клан и не ослушается приказа и в бою не побоюсь повернуться к нему спиной, - сказал Сонгцэн. - Что не делает его менее скользким, - добавил он с усмешкой. - Мы можем ехать домой. Я не сказал об этом при Оджасе, чтобы не ехать с ним вместе.

Он не стал говорить вслух свое мнение о том, что Яшви взгляд Оджаса казался оценивающим. Потому что Сонгцэну казалось то же самое, и это злило сильнее остальных. Сонгцэн был ревнив, это порок за собой он давно заметил и принял к сведению. Яшви не давала никаких поводов для ревности, в ней он был уверен всегда. Сонгцэн считал, что ради него девушка сделала исключение, когда в целом вообще не хотела лезть ни с кем ни в какие отношения. Но ревность возникала в тот момент, когда кто-то вроде Оджаса Шаха смотрел на неё так, как он привык смотреть на других женщин.

Яшви Садхир

Яшви точно не хотела бы поворачиваться спиной к Оджасу Шаху, даже если ей и вовсе не грозило оказаться с ним вместе с бою. Некоторые люди были хороши только на расстоянии, и лучше бы им было там и оставаться. Хорошо, что в резиденции они пересекались нечасто и только на официальных мероприятиях, требующих присутствия всего клана Кобр - все остальное время Яшви легко могла избегать чьего бы то ни было общества, наслаждаясь одиночеством или компанией Сонгцэна и тех людей во дворце, которые не вызывали отторжения.

Она не считала, что должна нравиться всем подряд, а теперь еще и не считала, что должна быть для всех удобной, чтобы не создавать никому проблем. Тем более, что она совсем не умела быть всегда приветливой, дружелюбной и улыбочивой, или какими там должны быть принцессы. Она будет угрюмой, молчаливой и неудобной, когда ей так хочется самой, и, может быть, иногда может улыбнуться тем, для кого хочется улыбаться.

- С него случилось бы начать учить меня ездить верхом, - проворчала Яшви. У нее были лучшие учителя, которые всю жизнь проводили в седле, и не какой-то напыщенной кобре было её учить. - Тогда бы его укусил не конь, а я.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Ну уж нет, ездить верхом научил тебя я, - с максимально серьезным видом ответил Сонгцэн, затем допил свой чай.

Он хорошо ездил верхом, но все равно держался в седле не так уверенно, как Яшви, легко стрелявшая из лука на галопе. И своему мастерству она научилась у лис, а он лишь объяснил ей когда-то в самом начале их знакомства, как удержаться на лошади. Но все равно считал, что имел право на эти лавры.

- Но если Оджас вздумает к тебе приставать, я его укушу сам. В зверином облике, - добавил Сонгцэн. - В клане достаточно тех, кто не против его внимания.

И кто был совершенно не интересен Сонгцэну. Он заметил, что ему не было дела до

того, что Оджас пользовался популярностью у своих приятельниц. Ему было важно только то, чтобы Шах-младший не интересовал Яшви. И чтобы она их не сравнивала, особенно не в пользу принца.

- Поехали домой? - предложил Сонгцэн.

Ему нужно было успеть на тренировку, чтобы вечером пойти с Яшви в купальню, хоть немного придя в себя к этому времени.

Яшви Садхир

Яшви смешливо фыркнула.

- Я училась, чтобы угодить тебе, - призналась она, потому что все ее первые попытки хоть как-то управлять лошадью были совершены благодаря Сонгцэну. До знакомства с ним Яшви если и видела лошадей, то изредка и сильно издалека и никогда в жизни не подходила близко, а поначалу даже боялась, потому что лошадь - большое и непредсказуемое животное, у которого неизвестно, что на уме творится. Это уже потом, когда разобралась, как седлать, как переходить с шага в рысь и подниматься в галоп, начала находить в верховой езде особенную прелесть. Но все равно все тонкости показали ей уже лисы, а ведь когда-то ей казалось, что стрелять из лука верхом - это что-то на фантастическом, и на такое способны только какие-то совершенно особенные люди.

- Поедем, - согласилась она. Оджас Шах уже должен был отойти довольно далеко от деревни, чтобы не пересекаться с ним в дороге, и можно было тоже отправляться домой. - Как прошел разговор со старостой? Мне показалось, ты был не в настроении, когда вернулся.

Сонгцэн обмолвился, что староста Радж не очень горел желанием что-то менять в деревне, но Яшви хотелось узнать немного подробнее о том, с чем Сонгцэну пришлось иметь дело. О том, что в Риване живут упрямые и недалекие люди, она знала не по наслышке.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

В то время Сонгцэну казалось, что он учит Яшви чему-то полезному, что она хотела уметь. Но оказалось, что она уступала его желанию её поучить. Но он все же был благодарен ей за честность, опасаясь, что еще интересного об их отношениях мог от неё узнать в будущем. Он встал из-за стола.

- Радж - упрямый осел, - сказал Сонгцэн. - Он считает, что если никто из посторонних не видит, что творится в Риване, то у них все хорошо, не хуже, чем у других. И что жителям деревни не нужен лазарет, а то те, кто там будет работать, вдруг поймут, что в Риване куча больных нищих людей, не получающих помощь. Но я смог его убедить.

Этот разговор был неприятным, потому что принцу было слишком сложно понять человека, для которого мнимая возможность сохранить лицо была важнее жизни тех, кто от него зависел. Возле Линь Ян Шо в деревне тоже был лазарет, где помогали мастера и ученики монастыря, и все жители и староста охотно

поддерживали его работу. Они даже приносили дежурным горячую еду и с трудом соглашались с тем, что мастера не брали за помощь деньги. А та деревня была намного благополучнее нищего Ривана.

Сонгцэн вышел из комнаты и придержал штору, пропуская Яшви. Он не боялся, что хозяин чайной услышит этот разговор.

Яшви Садхир

Сонгцэн редко когда позволял себе такие резкие высказывания, и тем необычнее было от него слышать подобную характеристику старосте Ривана, но Яшви понимала, почему его терпение в итоге исчерпалось. Она вспомнила вечно скрюченного болями в суставах отца и его неизменное "нам проблемы не нужны. Мы правильно живем, мирно", и в этой фразе можно было с легкостью уместить весь Риван со всем его упрямым, закоснелым человеком. Им было проще сделать вид, что проблемы не существует, чем пытаться ее решить, потому что если закрыть на проблему глаза, то ее вроде бы как и нет, правильно? И неважно, что она выплывает со всех сторон, не помещаясь ни в какие разумные рамки. Главное было правильно, мирно, беспроблемно жить, чтобы соседи не судачили, чтобы вслед не оборачивались, а если дочь начинает создавать проблемы, - то как можно скорее ее продать и опять сделать вид, что никакой проблемы не было.

- Не представляю, как, - призналась Яшви. Она не сомневалась в Сонгцэне, но ему наверняка пришлось проявить чудеса всей этой сложной дипломатии, чтобы переубедить Раджа. Она вышла следом за принцем из отдельного кабинета в общее помещение чайной, где сейчас было немногочисленно, а по залу сновал мальчишка с подносом, уставленным тарелками и мисками. Хозяин чайной проводил их несколькими поклонами и такой масляной улыбкой, что даже Оджас Шах удавился бы от зависти. - И даже согласился предоставить какой-то дом?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн вышел из чайной и подошел к Аббасу, который лениво жевал пересохшее сено, и был бы рад заниматься этим и дальше, а не ехать обратно. Принц расправил серебристую челку своего коня, застегнул ремни на узде и подпругу, в этот момент недоверчиво взглянув на Аббаса, который изредка мог щелкнуть зубами, когда эта процедура ему не нравилась. Не всем же быть белыми конями Оджаса Шаха. Хотя Сонгцэну было грех жаловаться: Аббас был очень красивым и видным конем, который принадлежал Его Величеству, но достался принцу, так как владелец давно не ездил верхом.

- Я всего лишь один раз повысил голос, - ответил Сонгцэн. - Но по-другому он вообще никак не понимал. А сейчас согласился дать дом и даже какую-то мебель. Завтра посмотрим, что там можно сделать.

С Раджем нельзя было говорить по-хорошему, он это не ценил. Ему нужно было только объяснить, что, отказываясь от предложения Кобр, он нарывался на куда большие неприятности, чем грозили ему, если бы он продолжал тихо замечать проблемы деревни под полинявший ковер.

Яшви Садхир

Под навесом оставались только их с Сонгцэном лошади, сиятельного Оджаса Шаха и его не менее сиятельного Коня уже не было. Аббас лениво жевал сено, Ворон, кажется, дремал стоя, но тряхнул головой, когда она подошла ближе, и тут же потянулся к рукам проверять, не захватила ли она чего-то вкусного. Яшви подумала о том, что совершенно его разбаловала, и теперь он постоянно просит подачи. Она отпихнула наглую морду коня и проверила подругу прежде чем выводить Ворона из-под навеса. Он, обычный воронок, на фоне эффектного игренного Аббаса выглядел не так интересно, но Яшви ни за что не согласилась бы поменять Ворона на какого-то другого, даже самого красивого в мире, коня.

- Как думаешь, нам нужно что-то брать завтра с собой? - спросила Яшви, забираясь в седло. Сегодня, без девочки впереди, дорога до Ривана прошла куда более комфортной чем вчера путь до резиденции. - Кроме оружия. Я понимаю, что им мы скорее отпугнем местных, но без него я в Риване не чувствую себя спокойно. И я купила Шанти куклу. Я подумала, что ей, наверное, ужасно одиноко. У меня-то хотя бы кукла была.

Эта кукла тоже была тряпичной и самодельной, но выглядела немного симпатичнее той, что была у Яшви. Она купила ее у одной из женщин, торговавших безделушками, и сейчас кукла лежала в одной из седельных сумок, дожидаясь момента быть врученной новой хозяйке.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн сел в седло и толкнул Аббаса пятками, чтобы тот отошел от чайной и пока пошел шагом в сторону дороги, которая вела из Ривана. На сегодня этой деревни хватит.

- Я думаю, что нам пригодятся чистые простыни, посуда. Еще понадобится много чистой воды, но ведра для неё найдем в Риване, на рынке они должны продаваться, - ответил Сонгцэн.

Он не собирался пока брать никакие лекарства - нужно было понять, какая помощь понадобится в первую очередь, а работать ему было привычнее с энергией, а не со снадобьями. И оружие нужно было взять с собой в любом случае, потому что осиное гнездо уже разворошили, и бояться нужно было не тех, кто считал Яшви бокши.

- Думаю, Шанти будет рада подарку, - сказал Сонгцэн, которого удивил поступок девушки.

У Яшви действительно в тот день была с собой очень странная кукла, пожалуй, единственное, что досталось ей от родительской семьи. И во дворце Кобр она оказалась одна. Это он был дома со своей семьей, учителями, и кучей людей, которые его знали с детства, а в то время ждали его экзамена. Яшви оказалась в эпицентре серпентария, когда у него почти не было времени с ней общаться. Тогда он об этом не догадался подумать.

- Они знакомы с Амритой? - спросил Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви не хотела слишком уж сильно привязываться к девочке, но уже начинала чувствовать за нее ответственность. Это ведь они с Сонгцэном решили увезти ее из деревни в незнакомый ей дворец, где она никого не знала и оказалась одна после того, как родные родители отказались от нее, сделав выбор в пользу бестолкового сына. А у Яшви оказался слишком сильным синдром старшей сестры. Мысль о том, что Шанти теперь ее проблема, точила изнутри, как маленький противный червячок - спелое яблоко. И кукла была ещё одной попыткой заглушить этот поток навязчивых мыслей.

- Я не знаю, - призналась Яшви, потому что даже не думала о том, могут ли быть знакомы Амрита и Шанти. Они были примерно одного возраста, но у девочек в деревне редко когда бывало свободное время, чтобы просто дружить с другими детьми. Если мальчики могли общаться в школе, девочки такой роскоши оказывались лишены, и был - все, что они видели вокруг себя. - Но будет хорошо, если они подружатся.

Амрита была довольно тихой и молчаливой. Яшви следила, чтобы та была сыта, добротна одета, посещала школу в деревне Кобр, и к ней бы не задирались, но не видела, чтобы она с кем-то действительно дружила. Может быть, с Шанти они смогут найти общий язык, и обеим девочкам будет намного проще.
